

Светлана Лаптева
Пьеса

Апостол
Лица:

Франциск Скорина
Маргарита Одверник
Протоирей Иосиф, он же Архимандрит Иосиф
Рафаэль Санти
Неизвестный
Иван Расмусов - священник
Маргарита - жена Расмусова
Семен - инспектор
Отец Матвей
Старец
Журналист
Корреспонденты
Люди на рынке : женщина, продавщица, старик, мужчина, парень, девушка
Жители Светлой Пустыни: Надежда и другие.

Картина 1.

Наши дни. Россия. Дом священника Ивана Расмусова.
Посреди комнаты стоит чемодан. В дом входит Иван Расмусов.

ИВАН. Маргоша...Маргошенька? Ты где? Обещала шанежками накормить, а самой дома нет. (Замечает чемодан.) Голуба моя...(Открывает двери, заглядывает в комнаты.) Маргоша! (Заглядывает в свой кабинет.) Вот ты где спряталась? Сидишь тихонько, а я тебя ищу, волнуюсь.

МАРГАРИТА. Книгу читала.

ИВАН. Хорошее занятие.

МАРГАРИТА. А я уже стол накрыла. Ждала тебя.

ИВАН. Пообедаем вместе? Новости свои расскажешь.

МАРГАРИТА. Сейчас. Иди, руки мой. (Стоит уже рядом с ним с полотенцем в руках.) А давай поставим эту Книгу у образов? У образов ей самое место.

ИВАН. Опять Скорину читала?

МАРГАРИТА. Читала.

ИВАН. Нельзя её к образам, и знаешь почему.

МАРГАРИТА. Никакой он не еретик!

ИВАН. Когда его признают, тогда и поставим к образам.

МАРГАРИТА. В Беларуси его именем улицы названы, университет, библиотека, орден учредили. А Московскому патриархату всё некогда?

ИВАН. Чтобы признать, точные сведения нужны. Нельзя в этом деле ошибиться.

МАРГАРИТА. Ты садись, обедай, а то остынут шаньги. Щи сварила, как ты любишь. (Наливает в тарелку щи.)

ИВАН. Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питиё молитвами Пречистыя твоея Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси вовеки веков. Аминь. (Крестит пищу, садится за стол.) Голуба моя, спасибо за старания.

МАРГАРИТА. Сметану возьми. Со сметаной-то вкуснее будет. (Подает сметану).

ИВАН. Спасибо, родная.

МАРГАРИТА. Ты ешь, ешь, не торопись, а то всё второпях – здоровье так подорвешь. (Сидит, смотрит с любовью, как он ест.) Еще добавить?

ИВАН. Достаточно, милая. Что-то ты притихла. Когда молчишь, знаю, беспокоит тебя что-то.

МАРГАРИТА. Люблю смотреть на тебя. Никак насмотреться не могу...так бы смотрела и смотрела...

ИВАН (встает из-за стола). Благодарю тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных твоих благ; не лиши нас и Небесного твоего царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас. Слава Отцу и Сыну и ныне и присно и во веки веков. Аминь. (Обнимает, Маргариту.) Спасибо тебе, женушка, за обед вкусный.

МАРГАРИТА. Опять по делам уходишь?

ИВАН. Ухожу.

МАРГАРИТА. Стену бетонную рукой не перебьешь.

ИВАН. Молитвой перебью.

МАРГАРИТА. Молитва тихая должна быть, а ты стадионы собираешь.

ИВАН. Ну как ты не понимаешь, обложили нас со всех сторон враги, насаждают Европу. Дух русский, православие уничтожить хотят. В Церкви раскол намечается. А не будет православия – не будет России. Уже и земли русские распродают, того и гляди, вторым государственным языком китайский станет. Могу ли я молчать об этом?

МАРГАРИТА. Как Бог даст, так и будет. Всё само собой решится.

ИВАН. Сами по себе только сорняки растут. А Скорина... Ну что Скорина, и до него первопечатники были и после.

МАРГАРИТА. Он на пятьдесят лет раньше Федорова Библию опубликовал.

ИВАН. У нас его с Кириллом и Мефодием сравнивать не станут. Те – монахи-миссионеры. А он кто? Что для Церкви сделал? Пожертвования внес? Хотя бы минимальные? Тиражи свои бесплатно монастырям и Храмам передал? Купец, скажут, он и есть купец. "Имя мое прославлю в веках!" – так, кажется, говорил? Амбиции зашкалили – портрет свой в Библию втиснул.

МАРГАРИТА. Авторство так своё закрепил. А то бы никто и не узнал, что есть народ такой - белорусы.

ИВАН. Не было никогда такого народа. Была Киевская Русь, Галичская, Черная, Белая, Великая, Малая Русь, литвины тоже, но и они русскими были.

Заметь, корень везде один – рус – русский! И не гугли ты свой зомбоящик! Историю учи.

МАРГАРИТА. А зачем тогда Скорина Библию на старобелорусском опубликовал? А я тоже белоруска. И, если кто сунется в Беларусь, первая на защиту встану.

ИВАН. Пукнуть не успеешь. Куда без России денешься?

МАРГАРИТА. Вместе на защиту встанем – мы же однокоренные. Только наш "батька" всегда говорит: наши поляки, наши узбеки, наши украинцы - наши все, кто живут в Беларуси. А ты что говоришь?

ИВАН. Я русский, в России живу и говорю о тех, кто на русском молятся и считают себя русскими. Ты на русском молишься? Значит, русская. А твои белорусы даже "юмбрик" с родного перевести не могут. Какие же они после этого белорусы?

МАРГАРИТА. Белорусский язык веками уничтожался, а юмбрик – в переводе с белорусского - чайник. И то, что белорусы мои, ты правильно заметил.

ИВАН. Не знал, что ты задиристая такая, всегда покладистой была. Любишь ли ты меня?

МАРГАРИТА. Всегда любила и любить буду.

ИВАН. А если любишь, почему споришь?

МАРГАРИТА. Деньги ты берешь за проповеди на стадионах, а это грех.

ИВАН. Кто тебе эту гадость сказал? Семен? Повадился бухгалтерию церковную проверять. Ходит и ходит. Зачем к тебе заходил?

МАРГАРИТА. Спросил, где ты и ушел.

ИВАН. Не лги!

МАРГАРИТА. Я не лгу. Говорил, как вы вместе учились в семинарии, дружили.

ИВАН. Дружили?

МАРГАРИТА. Про Скорину спрашивала.

ИВАН. Что спрашивала?

МАРГАРИТА. Будут его канонизировать или нет.

ИВАН. Что сказал?

МАРГАРИТА. Нет оснований. Сказал, Скорина, на деньгах женился, а это подло. Повздорила я с Семеном. Уйти Семена попросила.

ИВАН. Зачем говоришь с людьми малознакомыми? В дом впускаешь? А деньги я не за проповеди беру. Люди интересуются символикой старорусской - покупают её. Вот георгиевские ленточки на машинах развеваются, разве не радуется душа? Деньги, конечно, зло. Но и без них нельзя. Я колокольню оборудовал, колокола к заутрене теперь звонят, на вечерю зовут. А где деньги еще взять? Скажи, лучше, зачем чемодан посреди комнаты поставила?

МАРГАРИТА. В Беларусь хочу поехать. По маме соскучилась. Город мой теперь такой красивый стал - не наладуешься! В Фарном Костеле часы отремонтировали. В кирхе орган играет.

ИВАН. Короче говори.

МАРГАРИТА. У нас и мечеть и синагога есть.

ИВАН. Ближе к теме.

МАРГАРИТА. Бог один. Религии разные. Но уживаются все как-то в одном городе и государстве. А ты от Бога уходишь.

ИВАН. Я, по-твоему, не молюсь, не пощусь, каноны не соблюдаю?

МАРГАРИТА. Ты церковь обвиняешь в двуличии, в том, что попы веру на роскошь меняют, имена гомоиерархов с трибун называешь. Но таких единицы! В основном, подвижники, миссионеры, истинно верующие.

ИВАН. Я не церковь обвиняю. А тех, кто ее позорит.

МАРГАРИТА. Оставь стадионы! Просто веруй. Просто молись в церкви. Бог сам разберется, кто прав, кто виноват. А то уйду от тебя.

ИВАН. Иди. Что мешает?

МАРГАРИТА (берет чемодан, направляется к двери).

ИВАН. Seriously решила?

МАРГАРИТА. Уйду!

ИВАН. Нашла себе кого? Или Семен приглянулся?

МАРГАРИТА. Франциск!

ИВАН. Какой еще Франциск?!

МАРГАРИТА. Скорина!

ИВАН. Не шути так. Сердце мое об чемодан твой чуть не разбилось.

Между прочим, Франциск – имя католическое. А католики, чтобы от грехов очиститься индульгенцию покупают! А это бред! Бред поганый! У нас, чтобы от грехов очиститься, раскаяться искренне надо, молиться день и ночь. А в тебе веры нет! Тебе, что кирха немецкая, что мечеть – всё едино. (Ходит по комнате.)

МАРГАРИТА. Скорина говорил, нельзя никого прельщать истинной верой, самому идти к Богу надо. И не важно, какое имя у человека. Важно, что он за человек!

ИВАН. Что с тобой происходит?

МАРГАРИТА. Шлепнут тебя, Ваня, как шута горохового! А у тебя сыновья! О них подумал?

ИВАН. Шлепнут – знаменем стану. Никому это невыгодно. Потому и бояться за детей нечего. А шутлом назовут – неважно. Главное, остов вражеский взорвать.

МАРГАРИТА. Взорвать?

ИВАН. Образно говорю.

МАРГАРИТА. Ты неуправляемый! Ухожу от тебя! Вернусь, когда одумаешься! (Берет чемодан, направляется к двери.)

ИВАН (хватает ее за руку).

МАРГАРИТА. Отпусти! Куда тащишь?

ИВАН. Запру! В светелке запру! Никому тебя не отдам!

МАРГАРИТА. Не имеешь права запирать!

ИВАН. Имею! Трудись над душой своей! Ишь, что задумала – против мужа идти! Орган в кирхе играет, часы в костеле тикают! Овца заблудшая!

МАРГАРИТА. Библию дай мне!

ИВАН. Есть там Библия у образов!

МАРГАРИТА. Скорины Библию дай!

ИВАН (берет Библию Скорины). Что ж ты, магистр медицинских наук, бакалавр семи свободных искусств людям спокойно жить не даешь? Жену мою с толку сбил! (Оглядывается. В комнате Маргариты нет. Слышно, как Маргарита закрывает дверь на ключ.)

МАРГАРИТА. Вот сиди там теперь и читай Библию, а на стадионы не пущу!

ИВАН. Ох... Любовь моя... голуба моя... Ну что ты творишь, ну мне же уходить надо. Люди меня ждут.

Картина 2

Средневековье. Полоцк. Софийский собор. Келья протопопы Иосифа.

СКОРИНА. Протопоп Иосиф, можно войти?

ПРОТОПОП ИОСИФ. Входи, Георгий.

СКОРИНА. Звали меня?

ПРОТОПОП ИОСИФ. Хотел спросить, что собираешься дальше делать?

Школу ты уже закончил.

СКОРИНА. Отец торговать зовет с поляками да чехами.

ПРОТОПОП ИОСИФ. А ты что же?

СКОРИНА. Не мое это.

ПРОТОПОП ИОСИФ. Лука – исправный купец. Но чтобы торговать с иноземцами, сноровку иметь надобно. А ты больше к наукам привязан. В языках силен. Друзья твои, поди, сейчас на солнышке греются, окончание учебы празднуют, а ты чем занят?

СКОРИНА. Переписываю Святое писание.

ПРОТОПОП ИОСИФ. Ты мой лучший ученик.

СКОРИНА. Благодарю, протопоп Иосиф.

ПРОТОПОП ИОСИФ. Игуменью Ефросинью благодари. Она святыя книги в Полоцк привезла, славу Софийского собора укрепила. Много иноков заняты сейчас переписыванием святыя книг. Но есть книги и не от руки писанные. Глянь-ка сюда.

СКОРИНА. Буквы, тиснутые на бумаге? Но это чудо, истинное чудо, протопоп Иосиф!

ПРОТОПОП ИОСИФ. На печатном станке тиснуто.

СКОРИНА. Кто же сделал книгу такую? Кто мастер?

ПРОТОПОП ИОСИФ. Первыми китайцы были, потом католики, потом Феоль в Кракове тиснул Октоих и две Триоди — Постную и Цветную. Одну в руках ты сейчас держишь. Есть у нас и первая ксилографическая "Библия для бедных" с библейскими картинками и пояснениями. Только не каждый бедный человек латынь разумеет и не у каждого богатого денег на такую книгу хватит.

СКОРИНА. Прикоснуться к Библии можно, протопоп Иосиф?

ПРОТОПОП ИОСИФ. Почему нельзя – можно. Я ее не всем показываю, но ты достоин увидеть.

СКОРИНА (рассматривает книгу). Библия с картинками! Смотрите, здесь даже Петр и Павел есть! Вот бы на нашем языке такую тиснуть?!

ПРОТОПОП ИОСИФ. Нет у нас станка печатного. Сам знаешь, переписываем одну книгу по пять, а то и десять лет.

СКОРИНА. А где обучиться можно?

ПРОТОПОП ИОСИФ. У католиков станок есть, но они секреты от нас прячут. Православных в университеты не берут.

СКОРИНА. Соглядатаем пойду! Назовусь Франциском Литвином! В честь Франциска Ассизского! Примут, куда денутся?! Не зря я лучший ваш ученик!

ПРОТОПОП ИОСИФ. Ох, и задавака же ты, Георгий. Во всем первом хочешь быть. А кроме знаний, мудрость и терпение иметь надо, осторожность. Яна Гуса сожгли вместе с его книгами, а ты мальчишка еще, какой из тебя соглядатай?

СКОРИНА. Не побоюсь! Честно говорю! Будет у нас своя Библия!

ПРОТОПОП ИОСИФ. Если намерение твердое имеешь, учиться поедешь в Краков к профессору Глаговскому. Он печатным делом увлечен. Затем в Прагу подашься устройство станков изучать.

СКОРИНА (решительно). Когда ехать?

ПРОТОПОП ИОСИФ. Быстро только глупость делается. Язык сначала изучи, каноны католические. Уважай всякую религию. Нельзя, чтобы религия людей разъединяла. Особо не возносись. Врагов за науку благодари больше, чем друзей.

СКОРИНА. Советы ваши за основу возьму, протопоп Иосиф.

ПРОТОПОП ИОСИФ. И помни, за каждое печатное слово ответ перед Богом держать будешь.

СКОРИНА. Буду!

ПРОТОПОП ИОСИФ. Ну, что ж, Франциск Литвин, благословляю тебя на благородное дело. Смотри, не подведи!

СКОРИНА. Не подведу, протопоп Иосиф.

ПРОТОПОП ИОСИФ. С Богом, сынок! С Богом!

Картина 3

Наши дни. Россия. Дом священника Ивана Расмусова.

ИВАН. Маргарита, что ты задумала? Открой, баловница! Зачем заперла меня в комнате? Уходить мне пора! Открой, а то дверь вышибу! Чинить придется, мастеров вызывать, деньги тратить. Люди услышат, скажут, матушка с отцом Иваном дерутся? Открой!

МАРГАРИТА. Сиди там и думай, что тебе ближе – стадионы, или молитва спокойная, тихая? Семья, наконец?

ИВАН. И то и другое мне близко. А ты не понимаешь ничего, так хотя бы не мешай. Открой. Не надо со мной так...

МАРГАРИТА (открывает дверь).

ИВАН. Ты враг мне, Маргарита? Враг? Почему перечишь? Знала, за кого замуж шла? Матушкой стала. А матушка – это, прежде всего, соратница, сподвижница. А ты, что творишь?

МАРГАРИТА (смотрит в окно). Мы с тобой как на разных языках говорим. Ты слышишь только себя.

ИВАН. А , хочешь, я тебе Библию почитаю? Вот, что пишет Скорина про свою жену: «Кто найдет себе добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибитка. Она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей». (Прит. 31:10-12). А, если нет у тебя своего ума, учись у великих. (Кладет книгу на стол. Уходит.)

МАРГАРИТА (открывает Библию. Задумалась.)

Картина 4

Средневековье. Вильно. Дом Маргариты Одверник.

СКОРИНА. Я и мечтать о тебе не смел, Маргарита. В дом ваш ходить перестал, бежал от чувств безответных.

МАРГАРИТА. Знаю, Франек.

СКОРИНА. Муж твой был мне другом и финансовым благодетелем, вместе одно дело делали. Не мог я его предать.

МАРГАРИТА. Он считал твое дело богоугодным и нужным людям. А ведь знал, что тоскую по тебе. Словом не упрекнул. А перед смертью вдруг сказал: "Выходи замуж за Франека. Не смотри, что беден – в душу его смотри. Он беречь тебя будет".

СКОРИНА. Он любил тебя.

МАРГАРИТА. А я была ему верной женой.

СКОРИНА. Это правда, во всём ты старалась повиноваться Господу.

МАРГАРИТА. А помнишь , в юности, мы с тобой мечтали обвенчаться? Ты студентом тогда был. Но тебе пришлось бежать от гнева моего отца. А меня насильно выдали замуж. Супруг мой оказался хорошим человеком, сумел стать мне другом. А так бы с тоски умерла.

СКОРИНА. Судьба с нами так распорядилась, Маргарита.

МАРГАРИТА. Не судьба, а отец мой разлучил нас. Я скорблю по мужу, но люблю тебя по-прежнему.

СКОРИНА. Ты снилась мне, Маргарита, каждую ночь. Имя твое в горячечном бреде повторял. Но нам не суждено быть вместе.

МАРГАРИТА. Любишь ли ты меня, Франек?

СКОРИНА. Люблю! Всем сердцем люблю! Всею душой!

МАРГАРИТА. Тогда, в чем причина?

СКОРИНА. Время смутное. Чужеземцы страну разграбить хотят. Язык родной уничтожить. А я Слово Божье до каждого донесу. Оно любовь к Отчизне в людях пробуждает. Враги убить меня за это хотят. Охоту на меня объявили. Жизнь со мной рискуешь!

МАРГАРИТА. А мне нет жизни без тебя. Вместе до конца пойдем!

СКОРИНА. Маргарита...

МАРГАРИТА. Ну, что ты плачешь? Обидела я тебя чем?

СКОРИНА. Родная моя...Маргарита...

Картина 5

Средневековье. Ватиканский Дворец.

Рафаэль Санти заканчивает работу над фреской "Афинская школа",

Франциск Скорина пишет за столом.

РАФАЭЛЬ. Что ты там бубнишь, Франциск?

СКОРИНА. Книгу пишу, Рафаэль.

РАФАЭЛЬ. Какую книгу?

СКОРИНА. Библию.

РАФАЭЛЬ. Так она уже сто раз переписана.

СКОРИНА. На родном языке тиснуть хочу.

РАФАЭЛЬ. Рискуешь. Но ради славы можно и рискнуть.

СКОРИНА. Не ради славы, ради людей простых посполитых стараюсь. Ради народа своего.

РАФАЭЛЬ. Ты в Падуе звание магистра медицины получил? Получил! Так живи и радуйся. И деньги делай.

СКОРИНА. Задыхаюсь здесь. Домой хочу! В Полоцк!

РАФАЭЛЬ. Тебя короли повсюду привечают. Зачем тебе какой-то Полоцк?

СКОРИНА. Не какой-то Полоцк, а славный мой Полоцк. Дом там мой.

Представляешь, как там люди живут? Медицины никакой нет – всё больше шарлатаны да колдуны. Народ темный, неграмотный, ведьм по соседям ищут, в болотах топят! А я слово Божье до каждого донесу. Грамоту людям открою!

РАФАЭЛЬ. Про Яна Гуса слышал?

СКОРИНА. На его Библию опираюсь.

РАФАЭЛЬ. А живьем кожу сдерут? Что тогда?

СКОРИНА. Я перевел Библию с аравийского, с чешского, с греческого, с латыни! Все он верно напечатал. Не было ошибки. Оклеветали Гуса!

РАФАЭЛЬ. Острожен будь.

СКОРИНА. Рисунки размещу в книге с пояснениями, как в ксилографической "Библии для бедных".

РАФАЭЛЬ. Так ты у меня уроки берешь ради Библии?

СКОРИНА. Сто раз тебе об этом говорил!

РАФАЭЛЬ. Графику венецианскую ты уже хорошо освоил. (Рассматривает рисунок, сделанный Франциском). Эту линию тоньше сделай. А тут что написал? Я твоего языка не знаю, только буквы. (Пытается прочитать по слогам.) Г-е-о-р-г -и-й... Прочитал!!! Я прочитал!!! Тут написано "Франциск-Георгий Скорина!"

СКОРИНА. Как ты догадался?!

РАФАЭЛЬ. Уроки у меня берешь и спрашиваешь, как я догадался? Ты в виде славянской вязи букв и в форме астронимов «Пчела» и «Лампа» на гравюрном портрете буквы запрягал. Мне догадаться несложно. Я художник.

СКОРИНА. Георгий имя мое от рождения.

РАФАЭЛЬ. А почему Франциском назвался?

СКОРИНА. Франциск -маяк в жизни.

РАФАЭЛЬ. Святой Франциск Ассизский?

СКОРИНА. Да!

РАФАЭЛЬ (смеется).

СКОРИНА. Что смеешься?

РАФАЭЛЬ. Я фреску закончил.

СКОРИНА. Разве это смешно?

РАФАЭЛЬ. Иди сюда. Стань здесь. Смотри!

СКОРИНА. Чудо твоя фреска - истинное чудо! Поздравляю! Ты - гений, друг мой! Тебя скоро весь мир узнает! Заказы будут сыпаться от королей!

РАФАЭЛЬ. Честно, нравится?

СКОРИНА. Горжусь, что учусь у тебя!

РАФАЭЛЬ. Туда смотри! Видишь?

СКОРИНА. Вижу. И зачем ты это сделал? Портрет мой на радость инквизиции в картину вставил!

РАФАЭЛЬ. А что? Всех гениев изобразил: Платона, Аристотеля, Пифагора...Ну и тебя, конечно, и себя рядышком. Здесь в каждом храме богачи на фресках отмечают. Все хотят в святые записаться. Претензий нет. А мы с тобой - два скромных человека...

СКОРИНА. Ну, очень скромных! (Смеется.) Я православный. А ты меня в папском дворце изобразил. Папа этого не простит!

РАФАЭЛЬ. Там (смотрит вверх) неважно, кто ты - католик или православный. Зато здесь я первый осмелился сказать это! Лет через сто люди будут смотреть на эту фреску и удивляться, как это мы с тобой рядом оказались?

СКОРИНА. Думаешь, нас кто-то вспомнит через сто лет?

РАФАЭЛЬ. А почему нет? Я сделал это ради нашей с тобой дружбы! Давай, выпьем за нас?

СКОРИНА. Опять в долг вино у лавочника взял?

САНТИ. Неважно! За дружбу! За человека мира – Франциска-Георгия Скорину! Ура!!!

СКОРИНА. За гениального художника – Рафаэля Санти! Ура!!!

САНТИ. Ура!!!

(Поют итальянскую песенку.)

Картина 6

Наши дни. Россия. Дом Ивана Расмусова.

ИВАН (вносит в светелку на подносе еду). Маргошенька, ты не заболела?

МАРГАРИТА. Нет.

ИВАН. Беспокоюсь о тебе - все лежишь и не ешь ничего. Я рыбку поджарил. Вкуснота! С лучком, с картошечкой.

МАРГАРИТА. Спасибо, милый. Но не хочется мне кушать.

ИВАН. Зачем капризничаешь? Я не против, чтобы ты в Беларусь поехала. Только не ставь мне условий. Согласие между нами должно быть. Впрочем, уйти ты всегда можешь - знаешь, где ключи лежат.

МАРГАРИТА. За тебя переживаю. Ты сор из избы выносишь. Не простят тебе этого.

ИВАН. С каких это пор Церковь избой стала?

МАРГАРИТА. Отлучат тебя, и будешь ты поп-расстрига.

ИВАН. Хватит!!! Хватит, меня изводить! Господи, дай мне сил, говорить с этой женщиной! Дай мне сил! И оставь ты эту книгу! Как только в руки взяла её, так всё в доме прахом пошло!

МАРГАРИТА. На Скорину обиделся?

ИВАН. На тебя обиделся. Который день мучаешь!

МАРГАРИТА. Скорина был свободным, как птица, и мыслил свободно, и людей любил. Народы объединить хотел. Видишь, я держу его Библию в руках с благоговением и почтением - в 21 веке. А от тебя что останется? Значки неясного движения? Проповеди, бунтаря?

ИВАН. Доверься мне, не спрашивая, что я делаю, зачем делаю! Пойми, ведь если сидеть тихо, как мышь под веником, то тебя и прихлопнут этим веником. Убереечь людей от беды хочу. А ты мешаешь только! (Ходит по комнате.) Ладно, не обижайся, иди сюда, приласкаю. (Обнимает.) Пойми, жизни мне без тебя нет. Ты и дети – моё Отечество! А за моё Отечество я биться буду до последнего!

МАРГАРИТА (вдруг вырывается). Пусти! Не трогай меня!

ИВАН. Маргоша, милая...

МАРГАРИТА. Оставь меня!

ИВАН. Глазоньки мои, губки-вишенки сладкие, голуба моя...

МАРГАРИТА (пытается вырваться из объятий).

ИВАН. Ну, зачем противишься? Ты жена мне? Детей от меня зачала?

МАРГАРИТА. Зачала.

ИВАН. Кто мешает еще зачать?

МАРГАРИТА. Пост у меня сегодня.

ИВАН. Пост с пятницы начинается, а сегодня можно...А что тебе объяснять? Глухая ты ко всему. Уперлась и перечишь! Один Франциск у тебя на уме. Он, конечно, герой в своем роде. Но ведь он Западное христианство проповедовал, а значит, только учение Христа почитал, а православие – это ощущение Христа в себе. Западный религиозный экстаз четко отразил Бернини в "Экстазе святой Терезы", а русский – в самоуглублении столпников. Католиком был твой Скорина, если не по крещению, то по убеждению своему. А католики православным его считают. И не простят ему этого. А вспомнили о нем сегодня потому, что время такое пришло – вспомнить. Мостик между православными и католиками протянуть. А так бы

еще сто лет на полке пылился! Это тебе пища к размышлениям, а рыбку ты, все-таки, съешь – для тебя старался. (Уходит.)

МАРГАРИТА (встает к образам). Господи, всемогущий, спаси и сохрани моего мужа. Если он прав, помоги ему. Если неправ, направь на путь истинный. Защити от злых людей, от сил черных. Дай ему сил служить тебе праведно. Господи, всемогущий...

Картина 7

Наши дни. Россия. Телевидение.

Рабочий момент на телестудии: гримеры, осветители, операторы. Включается заставка программы "Новое время".

ЖУРНАЛИСТ. Сегодня мы обсудим важную тему - "Религия и современность". Мир будоражат межнациональные конфликты, в которых враждующие стороны используют религиозные лозунги. Русская Православная Церковь занимает в этом вопросе четкую позицию мирного диалога с представителями разных религиозных конфессий. Предлагаю обсудить этот вопрос с православным священником Иваном Расмусовым. (Расмусову.) Вы интересны мне, как явление новое в нашей стране и необычное. Хочу понять, кто вы? Священник или политик? Какие идеи проповедуете? В чем их основной смысл?

РАСМУСОВ. В возрождении национального самосознания. Патриотизма. Истинной православной веры.

ЖУРНАЛИСТ. О каком национальном самосознании вы говорите?

РАСМУСОВ. Я говорю о русских людях. О тех, кто живут в России и ощущают себя русскими. Сегодня многие стыдятся сказать: " Я русский!" – это считается проявлением экстремизма. Нас ломают, нам прививают сарказм по поводу нашей нации и страны в целом. Вот почему я за возрождение русского патриотизма. За статус гордого, свободного, счастливого русского человека.

ЖУРНАЛИСТ. Гитлер тоже начинал с великой национальной идеи.

РАСМУСОВ. У меня нет амбиций шизофреника. Я высказываю мнение большинства. Что делать, если Конституция заканчивается болтовней или провокацией на площади?

ЖУРНАЛИСТ. Вы против Конституции?

РАСМУСОВ. Я - за. За её соблюдение всеми эшелонами власти.

ЖУРНАЛИСТ. По-моему, это опасная тенденция.

РАСМУСОВ. А это не тенденция. Это война.

ЖУРНАЛИСТ. Война?

РАСМУСОВ. Мир пропитан ложью. Рушится. И только Россия способна восстановить порядок.

ЖУРНАЛИСТ. Вы объявляете войну всему миру?

РАСМУСОВ. Его устаревшей морали и законам. Но мы за мирный диалог. Русские всегда были сдерживающим фактором для всякого экстремизма, фашизма, снобизма и пофигизма... И нет причин не уважать русских.

ЖУРНАЛИСТ. А Церковь за что осуждаете?
РАСМУСОВ. Я не осуждаю Церковь. У нее великая миссия - сохранить совесть, культуру и корни нации. Я против тех, кто подрывает ее авторитет, участвует в коррупции, ведет двойной и нездоровый образ жизни.
ЖУРНАЛИСТ. Вы считаете, место священника на баррикадах?
РАСМУСОВ. Моя позиция пастырская. Я не политик.
ЖУРНАЛИСТ. Вам еще не угрожали?
РАСМУСОВ. Нет, я живу в свободной стране и говорю то, что думаю.
ЖУРНАЛИСТ. Вы живете по принципу Дали?
РАСМУСОВ. По принципам верующего человека.
ЖУРНАЛИСТ. Какие спец-эффекты используете на стадионах?
РАСМУСОВ. Мне душу греют георгиевские ленточки. А вам?
ЖУРНАЛИСТ. Вы считаете себя пророком?
РАСМУСОВ. Чтобы стать пророком, достаточно быть пессимистом. А я верю в Россию.
ЖУРНАЛИСТ. Говорят, ваша жена просит вас умерить амбиции, раздать людям имущество и жить как святой Франциск Ассизский?
РАСМУСОВ. Она очень аскетична. Но, если я пойду босиком к людям, они станут подавать мне милостыню из жалости. А у меня другие цели.
ЖУРНАЛИСТ. Ваша жена белоруска. Как вы уживаетесь вместе?
РАСМУСОВ. Как Россия с Беларусью. Бывают разногласия, но есть взаимопонимание. Мы венчаны перед Богом.
ЖУРНАЛИСТ. Вы способны бросить всё и уйти в садовники, как Скорина?
РАСМУСОВ. Скорина свою миссию выполнил. А я пока еще нет.
ЖУРНАЛИСТ. Если дьявол предложит вам бессмертие – согласитесь принять?
РАСМУСОВ. Нет. У нас разные дороги.
ЖУРНАЛИСТ. А что скажете Богу, когда встретите?
РАСМУСОВ. Все, что мог.

Картина 8

Наши дни. Россия. Дом Ивана Расмусова.

СЕМЕН (стучит в открытую дверь). Тук-тук, это я – почтальон Печкин, принес весточку для нашего мальчика.
ИВАН. Семен? Ну, здравствуй. Что-то ты зачастил с проверками.
СЕМЕН. По долгу службы проверяю закрома честного попа.
ИВАН. Сам знаешь, всё прозрачно. Расскажи, лучше, как живешь? Зачем вокруг жены моей вьешься?
СЕМЕН. Ты бы мне винца церковного налил? Кто так однокурсника встречает? (Наливает в стакан вино. Держит стакан в руке.) Ты все еще верующий?
ИВАН. С тех пор, как себя помню. Все мои предки священниками были.
СЕМЕН. Так вот откуда у тебя книга Скорины?
ИВАН. По наследству досталась.

СЕМЕН. Ну, ты же умный человек, духовную академию закончил, два института, языков штук пять знаешь - продай эту книгу, виллу купишь.

ИВАН. Сняли тему. Пей вино и иди... проверяй.

СЕМЕН. Слышал я, ты нано-пыль всюду распространяешь? Сознайся, сколько взял на стадионах?

ИВАН. Сколько взял - на больных и неимущих прихожан пошло.

СЕМЕН. Так уж и пошло?

ИВАН. Проверяй - все учтено.

СЕМЕН. Проверил – честный ты поп, или просто дурак. Пока ты речи толкаешь, за твоей спиной русские монархисты союз склотили - уже и флагами машут.

ИВАН. Я им не руководитель. А вот за твоей спиной кто стоит?

СЕМЕН. Какой пример ты детям своим подаешь? Им ведь ещё жить надо.

ИВАН. Слышь ты, проверяльщик засланный!

СЕМЕН. О... тих-тих-тихо! Ты же за мирный диалог? А диалог, сам видишь, не получается. Опоздал ты. Уже новые игроки нашлись, посильней тебя будут. Что ты можешь сегодня людям предложить, кроме болтовни про величие Руси и мессианское предназначение русского этноса, сакрального Херсонеса? Никому, кроме русских, это неинтересно. Максимум, на что соседи наши согласятся – снисходительно помалкивать за крупное финансовое вознаграждение. Что разбито – не склеишь.

ИВАН. Мы многое уже меняем. Церковь реформируем, подонков Законы выполнять заставим. А ты чего хочешь?

СЕМЕН. Подними людей на ножи! За тобой пойдут! А мы подхватим. Тебе тоже кусок отстегнём.

ИВАН. Я не бандит! Не террорист! Люди за мной идут, и слава Богу, что за мной идут, а не за тобой. Нас много – выправим постепенно Россию.

СЕМЕН. Никогда тебя не понимал. Думаешь, Христос не носил дорогую одежду, не ел вкусную пищу? Не пользовался дорогими маслами для укрепления волос? В переводе на наше время, он в ресторанах питался, у Юдашкина одевался. Евангелие лучше читай!

ИВАН. Вся его одежда - набедренная повязка. Он мог править миром, но на Крест взошел. За тебя и меня на Крест пошел, как думаешь, почему?

СЕМЕН. Чтобы мы богато жили. Разве не так?

ИВАН. Ты себя слышишь? Понимаешь, что говоришь?

СЕМЕН. Людей уважаемых цитирую.

ИВАН. Фамилии у них неблагозвучные какие-то, фонды непонятные, квартирки на прудах...Тебе это Булгакова не напоминает?

СЕМЕН. Не те книги читаешь, поп! Суда праведного не боишься?

ИВАН. Вот Бог, вон порог.

СЕМЕН. Я тебя предупредил, а ты как хочешь. Да, вино забыл выпить, так беседой увлекся. (Пьет вино.) Фу, сладкое какое. Считаешь, кровь такая у Христа?

ИВАН. Заблудился ты, Семен. Молиться буду за душу твою.

СЕМЕН. Иди ты к черту со своими молитвами! (Бросает стакан в стену. Красное пятно остается на белой стене. Уходит. И сразу входит Маргарита.)

МАРГАРИТА. Что ты там разбил, Иван?

ИВАН. Ничего не разбил...

МАРГАРИТА. Что это на стене? Кто это сделал? На кровь похоже...(Берет тряпку, отмывает стену.) Почему молчишь, поговори со мной. Страшно мне.

ИВАН. Что тебе Семен сказал?

МАРГАРИТА. Ничего не сказал.

ИВАН. Правду говори.

МАРГАРИТА. Сказал, убить тебя могут. Боюсь я за тебя, Ваня. За детей страшно.

ИВАН. Ты уехать хотела? Уезжай! К маме, к католикам, к Семену, к кому хочешь - свободна!

МАРГАРИТА. Ванечка...

ИВАН. За Скорину просила, а за моей спиной с Семеном дела мои обсуждала? Как такое двуличие в тебе сочетается?

МАРГАРИТА. Я за спиной твоей дела твои не обсуждаю. Но от твоих дел жизнь детей наших зависит.

ИВАН. Говорить нам больше не о чем, Маргарита.

МАРГАРИТА. Ванечка..не гони меня...Ванечка...

(Открывается дверь, в комнату входит ОТЕЦ МАТВЕЙ.)

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Хозяева? Вы дома? Поговорить пришел с Маргаритой Павловной. Можно войти?

ИВАН. Вы вошли уже, отец Матвей.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Люди говорят, разлад в вашей семье.

МАРГАРИТА. Живем мы тихо, неприметно, от прихожан претензий нет.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Приличия ты нарушаешь, Маргарита Павловна.

МАРГАРИТА. Приличий я не нарушала.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Ты с Семеном шашни крутила. Что ж это такое будет, когда все узнают, что священник жену блудливую под замком держит?

МАРГАРИТА. Чиста я перед мужем.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Еще говорят, ты гусита белорусского перевозносишь?

МАРГАРИТА. Канонизировать вам его пора. А вы средневековьем дышите.

Это Семен вам о книге Скорины рассказал? Я думала, он друг моему мужу. Учились они вместе, а он... Какой же он друг после этого?

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Покаялся он сегодня принародно, что согрешил с тобой.

МАРГАРИТА. С ума он сошел? Неправда это!

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Срамница ты, блудливая!

ИВАН. Не забываетесь, отец Матвей. Жена она мне.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Жена? (Бросает на стол фотографии.) Смотри, какая она тебе жена!

МАРГАРИТА (берет фотографию). Не было этого, Ванечка, не было! Не знаю, как фотографии эти сделаны... Ванечка... Неправда это!

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Гони её прочь от себя, Иван! Обманщица она!

ИВАН. Женщина она. Наивная. Доверчивая.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Церковь позорит! Не место ей здесь

МАРГАРИТА. А он и гонит меня с вашей подачи, отец Матвей. Говорит, иди на все четыре стороны!

ИВАН. Маргарита!

МАРГАРИТА. Что мне рядом с вами, с такими чистыми, делать? Я ведь блудливая! И не жена тебе вовсе – обманщица! А ты боялся, что люди о тебе подумают? Потому и терпел меня? Эх, ты...

ОТЕЦ МАТВЕЙ. С чего это ты так осмелела? Еще не мазали двери вашего прихода дегтем? Отлучат тебя так, Маргарита.

МАРГАРИТА. Вы подлеца поддерживаете, а меня отлучить хотите? Может, вы с ним заодно?

ИВАН. Простите ее, отец Матвей. Не понимает, что говорит.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Простить? Нет! Ты, Маргарита, ешь из руки, которая тебя кормит, поит, одевает, и хаешь эту руку? Ты кто такая, что бы голос на меня повышать? Гуситов превозносишь? Диктуешь тут всем, кого канонизировать, кого нет? Скорину превозносишь? Ассизского почитаешь? А ну скинь одежду, что тебе муж на церковные деньги купил! Пользуешься? Не брезгуешь? Иди отсюда голой, как твой Франциск Ассизский, прости, Господи!

МАРГАРИТА. Что вы такое говорите, отец Матвей?

ОТЕЦ МАТВЕЙ. А то и говорю, чтоб место свое знала!

МАРГАРИТА. Одежду снять? Нет проблем! Прав был святой Франциск, что ушел от вас голым! (Снимает платье. Остается в сорочке).

ИВАН. Маргарита...

МАРГАРИТА. Не подходи ко мне! Видеть тебя не хочу!

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Ой...что творит! Ой!

МАРГАРИТА (кладет кольцо на стол.) Прощай, Иван! (Уходит.)

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Тьфу ты, прости господи! Что утворила! Вот же дрянь какая! Дрянь! Угораздило тебя жениться на такой? Как ты терпел её столько лет? Как терпел?!...Это тебе наказание за грехи. Молись больше, Иван! Молись!

ИВАН. Хватит, отец Матвей! Вы уже всё сделали, что могли!

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Позор какой! Позор!

ИВАН. Венчаны мы. А это всё - туфта! Подделка. Фотошоп! (Бросает на стол фотографии.) Кто принес вам это?

ОТЕЦ МАТВЕЙ. С почтой подбросили. Думаешь, врут? Не говори никому, что Маргарита тут учудила, а то люди узнают - стыда не оберешься.

ИВАН. Я думал, мы в одной упряжке, Отец Матвей.

ОТЕЦ МАТВЕЙ. Мы – попутчики. Упряжки у нас разные. Тебе реформы нужны, мне – порядок в церкви. А где порядок - там Бог. И что ты в этой Маргарите нашел? Кожа да кости. Тьфу! Бестия, а не жена! (Крестится.)

Прости, Господи. (Уходит.)

(Иван стоит посреди комнаты с платьем Маргариты в руках.)

Картина 9

Средневековье. Москва. Постоялый двор.

Скорина стоит у окна. За окном полыхает пожарище. Крики: "Еретик! Еретик! На кол его осиновый! Убить! Спалить дом! Еретик! Дьявол!"

НЕИЗВЕСТНЫЙ (стучит в дверь). Откройте! Откройте! Позвольте войти?
СКОРИНА. Кто там?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Откройте немедленно, это в ваших интересах!

СКОРИНА (открывает дверь).

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Чуть пробился к вам. Народу на площади - тьма! Пытать вас хотят огнем, на кол осиновый посадить, пули свинцовые льют. Говорят, католики ведьмака в Московию подослали - вероотступника. Позвольте, водички? (Наливает в стакан, пьет залпом.) Событие какое! Громкое. Пустил слух, что вы уехали из города. Пока не очень верят. Что молчите?

СКОРИНА. А что вы хотите услышать?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну, хоть что-то в ваше оправдание.

СКОРИНА. Оправдываться мне не в чем!

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Упрямый вы, однако. Если бы не ваша заморская охранная грамота, гореть вам в огне праведном вместе с вашими книгами. Вы зачем в Москву пожаловали? Наивный такой? Или благодарности от католиков ждете? Репутацию в их глазах повисить желаете?

СКОРИНА. Соизвольте выйти вон.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Одно моё слово, и толпа разнесет вас в пыль.

СКОРИНА. Что ж медлите?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Хотел в глаза вам заглянуть. Интересный вы человек.

СКОРИНА. Что во мне интересного?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. В ваших краях вы знатный человек, ученый. врач, а денег не нажили. Хотели у нас подзаработать? А не вышло. Как же вы теперь без денег домой вернетесь? Разве только пешком? А сознайтесь, вы ведь не все свои книги в Москву привезли? Где-то еще остались?

СКОРИНА. Это допрос?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Попытка спросить еще не пытка. Я, между прочим, все ваши книги прочел. Теперь вот "Апостола" читаю.

СКОРИНА. Что в моих книгах предосудительного?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Знаете, почему ваши книги сожгли принародно на площади, а вас в еретики записали?

СКОРИНА. Невежество – страшная сила.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Вы последователь Гуса?

СКОРИНА. Уважаю его.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Есть за что уважать?

СКОРИНА. Умен. В Бога искренне верил. Хороший человек был.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Был! Вот вы в Библии своей напечатали: "Из ничего ничто и получится". А в священном писании говорится: " Бог создал этот мир из ничего".

СКОРИНА. Ошиблись переписчики. Я поправил.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ян Гус гордился бы вами.

СКОРИНА. Почту за честь.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Вы проповедуете такие утверждения, позвольте зачитать с листа (вынимает листок из кармана, читает.) "Нельзя слепо подчиняться церкви, но нужно думать самим, применяя слова из Священного писания: "Если слепой поведёт слепого, оба упадут в яму".

СКОРИНА. Согласен.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. "Власть, нарушающая заповеди Бога, не может быть Им признана".

СКОРИНА. Согласен.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. "Собственность должна принадлежать справедливым, несправедливый богач есть вор..." – это всё, чему вы у Гуса научились?

СКОРИНА. Добавьте еще это: "Каждый христианин должен искать правду, даже рискуя благополучием, спокойствием и жизнью!"

НЕИЗВЕСТНЫЙ. И вы рассчитывали здесь на успех?

СКОРИНА. Рассчитывал встретить благородных и честных людей, с коими привык иметь дело.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Фамилии! С кем здесь имели дело?!

СКОРИНА. Не повезло таких здесь встретить.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. По-вашему, в Московии одни глупцы живут? Дозволят распустить по Руси вашу книгу? А мы не дураки. Мы сожгли её. Князь распорядился сжечь, Церковь у него – вот где! (Сжимает кулак. Читает из Псалтыри). «Я, Франциск Скорина, сын славного Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути словенским языком!» – а кто вы такой, чтобы повелевать? Кто позволил печатать это? Да еще словенским языком!

СКОРИНА. Одобрено городскими властями Вильно. Архимандритом виленским православного Собора. Все законно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Католики говорят: "Дать народу читать Библию, значит давать святыню псам и бросить жемчуг перед свиньями".

СКОРИНА. А кто-то говорит так: "Не только доктора наук и люди ученые Слово Божие понимают, но всякий человек простой и посполитый, читая Его и слушая, может уразуметь, что необходимо для спасения его души".

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Себя цитируете?

СКОРИНА. Я бакалавр семи свободных искусств, магистр философии и медицины. А вы кто?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Зачем вам знать мое имя? Вы ведь тоже свое настоящее имя скрываете? Обычно я веду переговоры о делах Московии с заморскими странами. Но здесь я по личному желанию. Говорил уже, хотел взглянуть на вас.

СКОРИНА. Я не зверь диковинный.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Знаете, в чем ваша ошибка? Родиться вам надо было лет на сто позже, или даже на двести. (Выглядывает в окно.) Ну вот, толпу разогнали. Но идти через парадный ход не советую. Поймают – на осиновый кол посадят. Русский народ такой, и заморская охранная грамота вам не поможет. Ночью сюда подъедет карета. Мой человек отвезет вас в Вильно. А что, хорошо придумано? Никому и в голову не придет искать еретика в моей карете. Да, жизнь – сложная штука. Чего только в ней не бывает. Прощайте. (Выходит.)

СКОРИНА. Прощайте. (Крестится на икону. Решительно отодвигает штору, уходит через окно.)

Картина 10

Наши дни. Беларусь. Рынок.

МАРГАРИТА. Почем бульбочка?

ПРОДАВЩИЦА. По четырнадцать.

МАРГАРИТА. За русские купить можно?

ПРОДАВЩИЦА. Можно, если осторожно. А вообще, через дорогу "Беларусбанк". Обменяйте там деньги и живите спокойно. А сколько вам картошки?

МАРГАРИТА. Килограмм отвесьте. И вот еще, петрушки пучок, и огурчиков.

ПРОДАВЩИЦА. Какие цены сейчас в России?

МАРГАРИТА. Терпимые.

ЖЕНЩИНА. А у нас цены московские, а зарплаты белорусские.

МУЖЧИНА. А у нас всё, как у вас! Овощи на пестицидах, рыба на ртути, мясо на антибиотиках.

ДЕД. Москва - не вся Россия. Там пенсии выше, чем в Саранске. Одни жируют. Другие копейки считают.

ПРОДАВЩИЦА. То-то я вижу, ты затарился по полной программе, а всё копейки считаешь?

ДЕД. Живу с Божьей помощью.

ПАРЕНЬ. Вчера на заправке три тачки офигенно крутые видел, а из них попы вышли.

ЖЕНЩИНА. А попы тут при чем?

ПАРЕНЬ. При том, что свечка дороже килограмма клубники стоит.

ДЕД. Это добровольные пожертвования.

ПАРЕНЬ. Добровольные - по прейскуранту? Понастроили московских церквей, продыхнуть негде.

МАРГАРИТА. Не московских, а белорусских. Для особо неграмотных объясняю - Церковь здесь Белорусская православная. А патриархат православия находится в Москве. Что непонятно? Бог то на всех один!

СТАРУХА (парню). Вот за что ты на церковь взъелся? Чем тебе Храмы мешают?

ДЕД. А он безбожник. Полигон строит.

ПАРЕНЬ. Если бы ты, дед, фрицев не погнал, мы бы сейчас все богато жили!
ДЕД (замахивается палкой.) Да, я тебя палкой щас огрею! Закрой рот, поганец! Закрой!

ПАРЕНЬ. Ты чего, сдурел? Да?

МУЖЧИНА. Дай ему в лоб, дед! А я добавлю!

ПРОДАВЩИЦА (парню). А я помидорами закидаю! Вот же гад какой!

ПАРЕНЬ. Ты че помидорами бросаешься? С ума сошла? Вам бы только мир и кусок хлеба - остальное всё по фиг!

ЖЕНЩИНА. А не будет мира и хлеба, что тогда?

МУЖЧИНА. Тогда - Украина. Вот такие майданы заводят, а потом грабят народ!

ПАРЕНЬ. Задрали своей идеологией!

МАРГАРИТА. А ты люби Беларусь, как дом свой! Молись за нее! Защищай! Хозяином будь, а не квартирантом. Вот и вся идеология. И другой здесь не будет!

ПАРЕНЬ. Зомбоящик цитируешь? А там уже попов стреляют.

ЖЕНЩИНА. Ужас какой, а кого убили?

ПАРЕНЬ. Не знаю, какого-то Расмусова.

МАРГАРИТА. Ой...Ваня...Ванечка...

ПРОДАВЩИЦА. Женщина, что с вами? Дайте кто-нибудь воды! У кого вода есть?

ЖЕНЩИНА. У меня "Минская". Возьмите, попейте. Сядьте вот здесь в тенёчке. Сердце так прихватило?

ПРОДАВЩИЦА. Вот, валидол, возьмите под язык. Скорую вызвать?

МАРГАРИТА. Нет...мне ехать надо...срочно...в Москву.

ДЕВУШКА (громко парню). Зачем ты врешь всё? Людей пугаешь!

ПАРЕНЬ. А че? Затолкали попа в машину, увезли куда-то - мало?

ДЕВУШКА. Ну, так не убили же!

ПАРЕНЬ. Говорю тебе, поедem в Германию. Жить будем там, как люди.

ДЕВУШКА. Да, отцепись ты от меня! Придурок! Там вкалывать надо, а ты не умеешь.

ПАРЕНЬ. Не, ну че ты вдруг взъелась?

ДЕВУШКА. Отцепись, сказала! (Уходит.)

ПАРЕНЬ. Не, реально, ты чего?(Уходит за девушкой).

МАРГАРИТА (подхватывается). Ехать мне надо... скорее...

ПРОДАВЩИЦА. Чуть оклемалась и сразу ехать? Поберегла бы себя.

МУЖЧИНА. В больницу тебе надо, сердце подлечить, в Москву еще успеешь.

ПРОДАВЩИЦА. А что Расмусов знакомый твой?

МАРГАРИТА. Муж.

ЖЕНЩИНА. Тогда точно ехать надо

МАРГАРИТА. Спасибо, вам, за заботу. Спасибо.

ДЕД. Удачи тебе, дочка.

МАРГАРИТА. И вам удачи, добрые люди.

МУЖЧИНА. Это ты правильно сказала, народ у нас добрый, крепкий.

ДЕД. Мудрый народ. А если ругаем кого тут потихоньку, так как же без этого? Критика - важное дело.

МАРГАРИТА. Божьей вам помощи. Тороплюсь очень. Простите.(Уходит.)

ПРОДАВЩИЦА (вслед Маргарите). Женщина, женщина! Вы картошку забыли!

(Затемнение. И сразу освещение. Маргарита идет по улице в Москве. К ней подходят корреспонденты с камерой.)

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы жена Ивана Расмусова? Когда будут похороны? Почему не в трауре? Где будут хоронить проповедника?

МАРГАРИТА. Нигде.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Точнее сказать не можете?

МАРГАРИТА. Зачем хоронить живого? Никто не видел его тело. Никто не знает, где его искать. Может, вы знаете?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Новости смотрели? Газеты читаете? Слышали, что было на стадионе?

МАРГАРИТА. Не читаю и не смотрю! Не хочу читать между строк. А тем более слушать вашу дребедень.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Девушка, вы вроде, умная, а говорите, черте что.

МАРГАРИТА. Говорю, что думаю.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему вы так о прессе?

МАРГАРИТА. Потому что вы - мох на раковине. А истина внутри.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какая истина?

МАРГАРИТА. Бог.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Девушка, девушка, но ведь Библия проповедует рабство, там сказано: "Не пожелай жены ближнего и раба его..."

МАРГАРИТА. Я и говорю, что вы мох на раковине.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Девушка...

МАРГАРИТА. Отойдите от меня. От вас дурно пахнет. (Уходит.)

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ни чё себе, матушка! Снял на камеру?! Снял?

Картина 11

Средневековье. Вильно. Келья Митрополита Иосифа 3

МИТОРОПОЛИТ. Титанический труд ты проделал, Георгий. Добился своего – стал человеком образованным и деловым. Смотрю книгу твою и радуюсь. Мощно сделано! Здесь и двухкрасочная печать, и в конце приложен месяцеслов. А сколько изящных заставок перед каждым разделом! Текст набран на нашем языке - простому народу доступен. Вслед за Ефросиньюшкой ты библиотеку нашу пополнил, книги свои печатные подарил: "Псалтырь", "Малую подорожную", "Славянскую грамматику", 23 книги Священного писания.

СКОРИНА. В Московии, меня еретиком объявили, арестовать грозятся. Как теперь людям в глаза смотреть? Как объяснить, на что жизнь потратил?

МИТРОПОЛИТ. Миссию свою ты выполнил - это главное. А гонения твои прекратятся. Смирись и терпи.

СКОРИНА. Терплю.

МИТРОПОЛИТ. Заметил уже, как терпишь. Всё в окно смотришь, а кажется, не видишь ничего... Расскажи лучше, как жил это время? Чтобы другие напраслину мне в уши не вводили.

СКОРИНА. А что говорить? Выучился, как обещал. Грамоту магистра философии и медицины получил. Служил секретарем виленского епископа Яна из князей литовских. Женился на Маргарите Одверник – вдове местного радцы. После служил у прусского герцога Альбрехта в Кенигсберге. Тот склонить меня в свою веру пытался. Пришлось бежать. Прихватил с собой его типографа. Возобновил в Вильне книгопечатание. Но варшавские купцы упекли меня в тюрьму за долги брата. Убить в тюрьме пытались. Освобожден декретом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда. Жена моя тем временем умерла от болезни, сын малолетний сгорел на пожаре. Типографию разграбили и сожгли. Отечеству я стал не нужен.

МИТРОПОЛИТ. Кто нынче Отечеством правит, сам знаешь... Схимников здесь не любят, православие не приветствуют. И все-таки, смотреть нам теперь сподручней не туда, где Солнце заходит, а туда, где встает. Вот и "Апостола" ты издал ко времени. Значит, пробьется к людям Божье слово. А почему ты из всех апостольских евангелий выбрал апостола Павла?

СКОРИНА. Я – полочанин! Для меня важно – действие! Потому и взял ту часть Нового завета, где более всего посланий к народу – не два, как у апостола Петра, не одно, как у Иакова, а 14 — как знак чрезвычайной активности и миссионерства!

МИТРОПОЛИТ. «Ни на что не оглядываюсь и не дорожу своей жизнью, только бы с радостью окончить путь свой и служение»?

СКОРИНА. Всегда мечтал закончить жизнь и служение в Вильне вместе с Бабичем, Онковым, Одверником! Но сейчас спрашиваю себя, не напрасно ли всё было? Почему книги мои сожгли в Московии принародно?

МИТРОПОЛИТ. Перетерпеть надо без сомнений время глухоты и слепоты, ведь "тому, кто стучится, откроют, кого будят, пробудится, кого зовут, отзовется, кого направляют, направится" .

СКОРИНА. Видел однажды я сон: старик у постоялого двора стоял. Космы седые на ветру вьются, посохом в окна стучит - бесов гонит! Кинулся я окна закрывать, а старик уже посохом в глаза мне тычет и дико так кричит: "Ты виноват! Ты!" А где-то в Вильне дом мой горит, и сын малолетний плачет, но никто не идет на помощь - все пожар в своем углу тушат.

С постели соскочил, кинулся к образам молиться. А вдруг и, правда, я виноват в том, что сын мой безвинно сгорел, что нет уже рядом жены моей Маргариты, что типография разорена? Но ведь я не для себя старался! Для людей жил! Так за что меня Бог покарал? А Он наяву мне ответил - столкнул с юродивым в полдень у Собора. Юродивый, увидев меня, хохотать стал,

кричал на весь двор: "В гордыни твоя вина! В гордыни!!!" - упал я на колени, руки его целовал, денег давал - он не взял. Спрашивал, не ослышался ли я? А он своё твердит : "В гордыни твоя вина!"

Побежал от него в Собор, плакал и молился там у иконы Христа Спасителя. Грешен я, митрополит Иосиф! Грешен! От соблазна удержаться не мог - портрет свой в Библию тиснул, не ради славы, а чтобы ошибки не было. Чтобы не заменили Библию на ложную книгу, поддельную, вражеским языком писанную. А оно вот как обернулось?! Бог все видит, все знает, и ежели я взялся ему служить, то и в малом отступать не должен был? Одни угли в судьбе остались. А вы спрашиваете, почему смотрю в окно и не вижу ничего? Что мне там видеть?

МИТРОПОЛИТ. Ты говорил, что полочанин, что для тебя важно действие. Так прояви это действие по отношению к себе - смирись. Смирение - тоже подвиг. Твоя жена и сын смотрят сейчас на тебя с небес с почтением и любовью. А как иначе? Жил ты честно, верность Богу и Отчизне сохранил. А если кто скажет, что славы искал, так пусть попробуют повторить подвиг твой! Много найдешь здесь таких?! Слабость твоя пройдет. Молиться за тебя буду и монахам накажу молиться.

СКОРИНА. Спасибо за любовь, митрополит Иосиф,

МИТРОПОЛИТ. А гордыня - смертный грех. Хорошо, что ты это понял. Теперь скажи, зачем католикам книги свои даришь?

СКОРИНА. Книги дарю, кому жизнью обязан. Без помощи этих людей не было бы нашей печатной Библии. Еще с юности усвоил ваш совет: "Не должна религия народы разъединять".

МИТРОПОЛИТ. Так-то оно так. Но, если б ты только знал, как эти поляки меня замучили! Вот наемные капланы святого Яна забрались на колокольню Пречистенского собора и звонили ночь. Сбежался народ, думая, что случился пожар, погнали капланов со двора, а бискуп жалобу прислал, будто их избili попы православные, прибежавшие из домов – ивановского и покровского. Суда показательного требует! А это унижение Веры нашей!

СКОРИНА. Составлю бумагу королю Сигизмунду о бесчинствах этих. Он человек мудрый, даст послабление православию.

МИТРОПОЛИТ. Вот уж странно как получается, католики к слову твоему прислушиваются, а православные Библию жгут! Почему не понимают? Проблема в чем?

СКОРИНА. В политикус.

МИТРОПОЛИТ. Как все запутанно стало... Но Бог все видит...все исправит...Что-то сердце у меня разболелось. Пойду, лягу...

СКОРИНА. Не забудьте принять микстуру, отец Иосиф, ту, что я вам прописал.

МИТРОПОЛИТ. Приму, Георгий, приму...Ангела тебе Хранителя. (Уходит.)

(Скорина стоит у окна. Ветер распахивает окно. За окном – гроза, стихия.)

Наше время. Россия. Скит в лесу. На дворе - гроза, стихия.
Расмусов Иван ранен, лежит на топчане. Старик готовит снадобье.

СТАРИК. Очнулся? Вот и хорошо. Сейчас поправлю одеялко. Отвар пить дам. Пей, полегчает. Знаю, как раны залечивать.

ИВАН. Кто вы?

СТАРИК. Человек я...Бросили тебя подельники в лесу умирать, а я нашел. Значит, Богу так угодно.

ИВАН. Сломить хотели - надорвутся.

СТАРИК. А крови сколько...За что хоть бился?

ИВАН. За Россию, отец.

СТАРИК. В России всё всегда вдруг и не по правилам. Были Рюриковичи - вдруг Романовы, были Романовы, вдруг - комиссары. Были атеисты-партийцы, вдруг все православными стали. Куда теперь кривая выведет?

ИВАН. Ничего, выдюжим.

СТАРИК. Определиться каждому надо: понять, где свет, где тьма. Посередке никто не останется.

ИВАН. Твоя правда, старик.

СТАРИК. Человек живет, как мыслит. Многим мерещится, что кругом одни враги, вечно в состоянии борьбы находятся, но человеколюбием от таких не пахнет, тем более любовью Христовой. А жить надо по Заповедям.

ИВАН. Говорил это людям, не слышат.

СТАРИК. С людьми в тишине говорить надо. Чтобы дух молитвы и благодати сохранить. Люди теперь верить начинают только в тюрьмах, да на войне и в болезни. А до того свободу понимают, как богатство. Им чины, звания, земли чужие подавай. Убить за это готовы. Зависть заглушают пьянством... Но вместо вина упьются кровью - к этому вас ведут.

ИВАН. Ты старовер?

СТАРИК. Не все ли равно - старо-ново? Просто верую. Молюсь. И ты молись. Сердце откроется Богу, даст он тебе такую энергию, что способен будешь свет в невозможном открыть.

ИВАН. Свет за Россией, отец.

СТАРИК. Россия, как была светочем, так и останется. А кричать об этом на всех углах - себя не уважать. Времена у нас и смутные и страшные были, а народ простой русский выжил. Ему вроде и гордиться нечем, а гордится! Значит, Богом так задумано. Значит, скажет этот народ еще свое веское слово.

ИВАН. Когда скажет?

СТАРИК. Когда Бог укажет.

ИВАН. Когда укажет?

СТАРИК. У всякой одержимости один конец - безумие или смерть. Делом заниматься надо. Если ты политик - сними рясу. Строитель - строй дом. Священник - от Заповедей не отступай, в Бога веруй, молись за людей.

ИВАН. В безверии меня не упрекай!

СТАРИК. О себе размышляю. Били меня, травили, стреляли в меня за веру. А она только крепче становилась... Сколько они священников и иноков положили! Церквей пожгли, колоколов посбивали...А теперь все в церковь ходят, а Заповедей не знают. От того все беды. Ушел я от людей, в лесу живу, а они тянутся ко мне за истиной... Молюсь за всех.

ИВАН. А в чём истина?

СТАРИК. Вот же непонятливый какой - в Христе. Он сказал: "Аз есмь путь, истина, и жизнь". Сораспяться тебе надо. На Кресте сегодня самое безопасное место.

ИВАН. Ты кто, старик?

СТАРИК. Как помру, напиши на дощечке "Раб божий Феофан", а больше не надобно ничего. А тебя как звать?

ИВАН. Иван я Расмусов.

СТАРИК. Иоан, значит... Что плачешь, Иоан, как дитя малое? Душа за людей болит? Или себя жалеешь?

ИВАН. За Россию душа болит.

СТАРИК. Значит, есть еще силы в пороховницах. А на пути к Богу посредники не нужны, так еще и Скорина наш говорил...Ищите Бога в себе... Сейчас потерпи чуток, бинты тебе сменю.

КАРТИНА 13

МАРГАРИТА (у образов). Господи! Всемогущий! Помоги моему Ивану, где бы он ни был: на воде и на суше. Защити его от врагов и нечисти всякой.

Залечи его раны, дай ему силы, помоги найти путь домой.

Где же ты, Ванечка, родненький мой? Сердце по тебе истосковалось.

Сыновья твои совсем взрослыми стали. Старший на доктора учится.

Младший на инженера. В церковь исправно ходят. Помнят о тебе. А ты все

еще где-то ходишь...всё ищешь себя...Слышала я от прихожанок, в светлой

пустыни старец вдруг объявился. Помогает людям больным и несчастным. А вдруг он мне поможет тебя найти?

А я тут сижу... Слезы лью... Соберусь сейчас же в дорогу и поеду в Светлую

Пустынь. А вдруг Старец поможет мне тебя найти? (Собирается в дорогу.

Крестится на икону. Выходит из дома.)

КАРТИНА 14

Наши дни. Россия. Городок Светлая пустынь.

Женщина ставит на крыльцо банку с молоком.

МАРГАРИТА. Женщина, подскажите, где здесь живет Старец?

ЖЕНЩИНА. Здесь и живет. Но сейчас не принимает. Поздно уже. Устал.

Весь день люди к нему за правдой шли. Если утром застанете – считайте,

повезло, потому как уходить от нас собрался. Как только люди селиться

вокруг него начинают, снимается с места и уходит дальше в лес. А здесь уже,

видите, город вырос - Светлая Пустынь. (Гордо.) Деньги бы со всех брал,

давно бы в хоромах жил. Так не берет! А ты сама родом откуда?

МАРГАРИТА. Из Беларуси.

ЖЕНЩИНА. Издалека приехала... Сюда из разных мест едут и остаются здесь жить. У нас тут и украинцы, и белорусы, и узбеки, и поляки, и румыны, и грузины и даже негр есть. Мы тут Храм собираемся строить. Как же нам без Храма? Уговорим отца Иоанна остаться с нами.

МАРГАРИТА. Но он же привык в скиту жить.

ЖЕНЩИНА. Ты кто такая, чтобы о нем судить? Зачем сюда явилась?

МАРГАРИТА. Спросить хочу, где муж мой.

ЖЕНЩИНА. Люди о главном спрашивают, а ты мужика ищешь?

МАРГАРИТА. Не мужика ищу - мужа. Без вести пропал, все глаза выплакала. Может, старец ваш подскажет, где искать?

ЖЕНЩИНА. Говорю тебе, утром приходи. Ночь на дворе.

МАРГАРИТА. А мне некуда идти. Сяду здесь на лавочке, до утра подожду.

ЖЕНЩИНА. У меня переночуешь. Нечего тут сидеть. Замерзнешь.

(Из хижины выходит Иван Расмусов .)

ЖЕНЩИНА. А вот и он сам...Здравствуйте, отец Иоан.

ИВАН. И вам божьей помощи.

ЖЕНЩИНА. А я вам молочка парного принесла. Вечером только Зорьку подоила.

ИВАН. Спасибо, Надежда. (Пьет молоко.) Травами пахнет.

ЖЕНЩИНА. У меня самое лучшее молоко. Хлебушка возьмите. Устали, за день?

ИВАН. Есть немного.

ЖЕНЩИНА. Люди говорят, уходите вы от нас? В Москву возвращаетесь?

ИВАН. Люди много чего говорят.

ЖЕНЩИНА. Тут к вам женщина из Беларуси приехала.

ИВАН. И где же она?

МАРГАРИТА. Здесь я, Ванечка.

ИВАН. Ты?

МАРГАРИТА. Жив...нашла я тебя...родненький мой...

ЖЕНЩИНА. Надо же, как бывает... Ой... забыла утюг выключить. Домой побегу. (Прячется за деревом.)

ИВАН (видит ее за деревом). Спокойной ночи, Надежда.

ЖЕНЩИНА (выходит из-за дерева). Спокойной ночи, отец Иоан. (Уходит.)

Надо людей позвать, а то уйдет он от нас. Как же мы без него? (Стучит в окна.) Эй, выходите все! Отец Иоан от нас уходит. Выходите!

ИВАН. Здравствуй, Маргарита.

МАРГАРИТА. Здравствуй, Иван.

ИВАН. А я вот с места снимаюсь... Тишины хочу.

МАРГАРИТА. Тишины?

(Слышно, как стрекочут сверчки в траве.)

ИВАН. Платье у тебя красивое. Может и правильно сделала, что прежнее сбросила?

МАРГАРИТА. Душа моя прежней осталась.

ИВАН. Часы в Фарном Костеле идут?

МАРГАРИТА. Идут.

ИВАН. Орган в кирхе играет?

МАРГАРИТА. Играет.

ИВАН. Сюда зачем пришла?

МАРГАРИТА. Венчаны мы с тобой – нельзя нам порознь. А ты фотографиям срамным поверил!

ИВАН. Ты сама кольцо сняла. Забыла?

МАРГАРИТА. Какой ты неразумный, Ваня, в кольцах не разбираешься. Вот оно колечко наше венчальное. А то и не кольцо вовсе было – баловство одно.

ИВАН. Маргоша...Овечка моя неразумная.

МАРГАРИТА. Мог бы позвонить хоть разок. О сыновьях спросить.

ИВАН. Были они здесь. Говорили со мной.

МАРГАРИТА. Сговорились? И мне не сказали? Вот же какие! Все в тебя!

ИВАН. Плохо, что в меня?

МАРГАРИТА. Хорошо.

ИВАН. Горжусь ими. Праведно воспитаны. Спасибо тебе за сыновей. А что за книгу в руках держишь?

МАРГАРИТА. Книга это Скорины...вот...почитать тебе хотела.

ИВАН. Приехала книгу мне почитать?

МАРГАРИТА. Вернись домой, Иван! Сколько будешь по чужим землям скитаться?

ИВАН. А я не уходил никуда с земли русской.

МАРГАРИТА. Прихожане ждут тебя. С Семеном ужиться не могут. Теперь он служит в церкви нашей. Прейскуранты дорогие вводит. Должностями торгует. Доходные дома открывает - рестораны да магазины. Остановить его надо!

ИВАН. В скит ухожу.

МАРГАРИТА. Одной твоей молитвы мало будет. Вместе молиться надо.

ИВАН. Вместе, говоришь, молиться надо?

(Неожиданно появляются жители Светлой Пустыни.)

ЖИТЕЛИ. Вместе молиться надо, отец Иоан. Господь так скорее молитву нашу услышит.

ИВАН. Услышит, конечно. Но почему же вам не спится сегодня? Почему поднялись все?

ЖИТЕЛИ. Узнали, что матушка книгу важную из Беларуси привезла. Хотим узнать, что за книга? Матушка, почитайте нам эту книгу! Почитайте, матушка!

МАРГАРИТА. Темно на дворе. Свечу зажечь надо.

НАДЕЖДА. У меня свеча есть. (Зажигает).

ИВАН. Одной свечи мало будет.

ЖИТЕЛИ. А мы, каждый, свою зажжем.

(Зажигают свечи.)

МАРГАРИТА. Ну, вот, теперь совсем светло стало. Это хорошо, что мы сейчас все рядом. И не трое уже нас, и не четверо — много!

ЖИТЕЛИ. Читайте, матушка, читайте!

МАРГАРИТА (открывает книгу.) Ну что ж...Починается книга "Апостоль", з Божию помощью справлена доктором Франьциском Скориною с Полоцька. Acta Apostolorum...

(Луч света выхватывает Скорину. Скорина стоит на возвышенности, смотрит "сквозь время". Голос его мягкий, тихий...обращается с любовью к людям.)

Послушайте меня, люди! Разве мы не христиане, разве не соотечественники? И ежели Бог за нас, то кто против нас?! Так покажите в вере вашей добродетель, в добродетели братолюбие, в братолюбии любовь между людьми и народами, все еще мира не ведающими. Ведь нельзя же по-прежнему оставаться глухими, слепыми, немymi?! Нашенский неужели станет ненашенским? Неужели не почувствует зова предков, с которым родился и отправился в мир? А враждующих мы обесчестим, и сердца их помраченные наполним из огромной чаши слова отчизненного! Ибо слово есть мудрость изреченная, божье деяние, начало согласия под небесами! Так пусть же, пока жив род человеческий, славиться будут человеколюбие и мир на земле!"

НАДЕЖДА. Ой, как же этот божий человек любил нас, как же желал нам добра, мечтал видеть нас всех счастливыми...Слово свое донес до нас через века, сквозь горе и слезы, сквозь бесконечные войны...Как же он хотел, чтобы мы любили друг друга, жили в радости...Раньше то какие люди были? Темные, неграмотные, ведьм ловили по болотам да сжигали на кострах...а теперь в Космос летаем, а почему-то все больше глухих и немых становится. Кто ответит мне, почему такое происходит с нами? Почему?

МУЖЧИНА. А мы построим новый город. И будем жить по-новому. Мы и сейчас уже живем здесь так — честно, красиво. Мы скоро Храм построим и будем славить Человеколюбие и Мир на Земле.

/Громко звучат сигналы полицейских машин, тракторов и бульдозеров. Прожектора освещают людей, собравшихся на площади...Голос в рупор./
«Граждане сектанты. Просим вас не создавать пожароопасной обстановки. Освободите территорию для сноса незаконных построек. В противном случае мы применим силу».

Конец